

— Я позвал тебя вниз не просто так, конечно, — Ци Шаокунь поднялся, приобнял Цяо Нина за плечи и жестом велел Шэнь Чжи и Ань Цици молчать.

Цяо Нин оказался в кольце рук Ци Шаокуня, их тела соприкасались. Спина Цяо Нина вытянулась в струну, он застыл, словно изваяние, а когда Ци Шаокунь потянулся и легонько ущипнул его за щеку, Цяо Нин и вовсе оцепенел.

— Назови меня братишкой.

Ци Шаокунь произнес это совершенно непринужденно. Словно что-то вспомнив, он коротко принюхался — вчерашний молочный аромат действительно исчез.

В отличие от расслабленного Ци Шаокуня, у Цяо Нина зрачки слегка расширились; он полуобернулся, продолжая сохранять напряженную позу.

Ци Шаокунь, глядя на его ошарашенное лицо, рассмеялся и с легкой, дерзкой усмешкой добавил:

— Не хочешь называть меня братишкой? Тогда скажи: Братишка, привет, я Ниннин.

Он улыбался во весь рот, однако пальцы, сжимавшие плечо парня, слегка напряглись, а в глазах вместо легкомыслия промелькнуло предупреждение.

Цяо Нин посмотрел на Ци Шаокуня. Поняв, что тот не шутит, он молча обвел взглядом присутствующих. Его холодный взгляд, лишенный всякого выражения, подействовал безотказно: Шэнь Чжи и Ань Цици, до этого не сводившие с них глаз, тут же отвернулись и принялись старательно делать вид, что с головой ушли в книги.

Линь Шаоцзюнь продолжал наблюдать за ними, слегка нахмурившись. Цяо Нин мельком взглянул на него и, казалось, не придавал этому значения. Он чуть опустил голову и едва слышно прошептал:

— Братишка...

Ци Шаокунь опешил. Внутри у притворяющихся Шэнь и Ань бушевал настоящий ураган!

Сказав это, Цяо Нин попытался уйти, но Ци Шаокунь удержал его за плечо. Он был в восторге: он знал, что Цяо Нин подчинится, но не ожидал, что это окажется настолько... волнительно.

Этот тихий голос, покрасневшее лицо, дрожащие руки — словно он уже успел с ним что-то сотворить.

Раззадорившись, он игриво выпятил губы в сторону Цяо Нина:

— Не пойдет. Ты не сказал, когда я просил в первый раз, так что теперь произноси следующую фразу.

Цяо Нин поджал губы, храня молчание. Ци Шаокунь потянул его за ухо, словно дразнил щенка:

— Будь послушным, давай быстрее.

Стоило ему коснуться мочки уха, как та мгновенно вспыхнула. Цяо Нин невольно подался назад и, сверкнув глазами, пробормотал:

— Не переходи границы!

Однако его предупреждение прозвучало слишком тихо и не имело никакой силы. Алые уши и щеки лишь лишали его слова веса. Напротив, Ци Шаокунь стал еще наглее и, наклонившись к самому уху Цяо Нина, прошептал:

— Куда более дерзким будет, если я заставлю тебя выйти к трибуне и при всех назвать меня братишкой. Лучше поторопись, тогда братишка погладит тебя по голове в награду, а?

Цяо Нин густо покраснел. Поколебавшись, он наклонился к его уху и попросил:

— Можно я скажу это только тебе одному?

Цяо Нин выбрал смягченную форму просьбы, в которой сквозило нечто похожее на кокетство. Никто и никогда не разговаривал с Ци Шаокунем в таком тоне. Сердце Ци Шаокуня сладко заняло, но это чувство было слишком мимолетным, чтобы он мог на нем сосредоточиться.

Вместо того чтобы слушать это наедине, он хотел, чтобы Цяо Нин, краснея, произнес эти слова при свидетелях.

Он хотел услышать этот смущенный голос, увидеть его пылающее лицо и тревожно подрагивающие ресницы.

— Нет! — Ци Шаокунь покачал головой. — Говори, не заставляй меня ждать.

— Б-братишка, привет... я Ниннин.

Цяо Нин, преодолев неловкость, выпалил это очень быстро и очень тихо. Его лицо, и без того красное, теперь полыхало, румянец разлился от макушки до самой шеи, а уши налились

кровью до фиолетового оттенка — казалось, коснись их кто-нибудь, и из них брызнет кровь.

<http://bllate.org/book/20507/2044267>